

Лидия Чарская

На всю жизнь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-22

Ч-22 **Чарская Л.**
На всю жизнь / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 140 с.

ISBN 978-5-4241-1751-0

У меня появилась тайна, в которую посвящены лишь двое: Галка и я. Пока Борис на службе, я исписала несколько листов своим крупным мальчишеским почерком, вложила их в огромный конверт, написала на нем адрес и большими буквами поставила "заказное". Это письмо - мой смелый и дерзкий замысел. Я думаю о нем все время, пока Галка шагает по снежной дороге в городской почтамт...

ISBN 978-5-4241-1751-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Чарская
Полное собрание сочинений
Том двадцать второй

(Юность Лиды Воронской)

Для детей среднего и старшего возраста
С рисунками

На всю жизнь

Часть первая

Сегодня выпуск. С вечера никто не ложился, и майский день застает нас на ногах. В раскрытые окна дортуара врывается птичий гомон и солнце.

Высокая, полная, с черной кудрявой головой, Зина Бухарина, прозванная Креолкой, сооружает перед трюмо сложную прическу. Чахоточная, хрупкая Миля Рант, Стрекоза, помогает ей в этом. Красавица Черкешенка, Елена Гордская, моя любимица, расчесывает у окна черные косы и мурлычет какой-то романс. Толстушка Додошка Даурская, хохотушка и лакомка, с набитым леденцами ртом вертится подле моей постели, на которой разложено легкое белое платье.

Между нами, выпускными, было давно уже решено не делать нарядных платьев ко дню акта, с тем чтобы предназначенные на это деньги пожертвовать на поездку и лечение нашей больной классной дамы фрейлейн Фюрст; но наши баловники, родные, не пожелали лишиться нас удовольствия, и более богатые дали возможность менее состоятельным семьям одеть их детей в традиционный актовый наряд.

Больная же классная дама получила возможность лечиться на юге.

Мой костюм удался на славу. Разложенное на постели белое платье оказалось чудом красоты. Вокруг него теснились подружки и, громко ахая, восхищались вкусом моей мачехи, "мамы Нэлли".

Ольга Елецкая, по прозвищу Лотос, высокая черноволосая девушка, большая фантазерка, восхищалась больше других.

Впрочем, на этот раз даже такие серьезные особы, как «профессорша», Женя Бутусина, Вера Дебицкая, первые ученицы, и степенная Старжевская, наравне с шумными маленькими сестричками Пантаровыми — Лизой и Женей и веселой хохлушкой из Киева Марой Масальской, «невестой» (она действительно была невестой одного киевского помещика), окружали мою постель.

Хохлушка Мара суетилась больше всех.

— Лида! Вороненок, Лидочка! Шляпу покажи нам теперь, шляпу! — молила она.

Моя выпускная шляпа — мой секрет.

Вчера, когда мама-Нэлли привезла мне ее и показала на утреннем приеме, я даже вскрикнула от восторга. Совсем скромная шляпа, а между тем, говорят, «папа-Солнышко» (так я с самого раннего детства называю моего отца) рассердился, когда ее увидел:

— Для молоденькой девочки — этот мрак! Зачем это?

Шляпу хотели переменить, но я вцепилась в нее, как говорится, руками и ногами.

— Ах, нет, нет! Оставьте ее, пожалуйста. В ней столько красивого замысла, столько значения! — молила я.

И шляпу оставили, к восторгу моих одноклассниц.

— Скорее! Скорее! Хохлушка, открывай, открывай! — слышались нетерпеливые возгласы.

— Дети мои, не делайте из почтенного дортуара толкучего рынка, с позволе-

ния сказать, — роняет Сима Эльская, покрывая своим звучным контральто все остальные голоса.

— "Кочерга" на горизонте! — появляясь на пороге, выкрикивает Катя Макарова.

— Спасайся кто может! — вопит Додошка и лезет под кровать.

— Здорово нам влетит, что до звонка встали, — слышится чей-то шепот.

— Дурочки, ведь сегодня выпуск! — кричу я. — А через пять-шесть часов мы вольные птицы, и никакие «кочерги» в мире не смогут принести нам вреда.

— Они рехнулись, — пожимает плечами Сима, — одержимые какие-то, право! Будут перед классными дамами трусить до гробовой доски.

— Действительно, никто не посмеет нам сделать замечания сегодня, — улыбается Зина.

— Ну, душка, тебя с такой головою под кран пошлют кудри размачивать — произносит младшая Пантарова, Женья? или Малявка, прозванная так за крошечный рост.

— Отроковица Евгения, не завидуй чужому благу! — голосом дьякона на амбоне басит Сима, или Волька по прозвищу.

— А какие мы дети, в сущности! — тянет Черкешенка, не отрывая взгляда от голубого простора в окне. — В полдень свободные гражданки, а утром боимся "кочерги"!

— Побоишься здесь, когда...

Тут Рант корчит уморительную гримасу, собрав в частые складки свое лицо. И внезапно это худенькое личико делается карикатурно похожим на сморщенные, точно печеное яблоко, черты нашей главной гонительницы, инспектрисы. Миля склоняет свою изящную фигурку на один бок и, немилосердно теребя цепочку от креста, вытянутую поверх передника, скрипучим голосом тянет в нос:

— Первые, опять! Уймитесь, первые! И когда только вас выпустят наконец! Мальчишки! Разбойники! Эти первые портят весь корректный строй института! Да!

Взрыв хохота покрывает ее слова.

— Ха-ха-ха-ха! Как похожа!

Она действительно бесподобна со своей подражательной способностью, эта Рант. Воочию предстает, как живая, инспектриса.

От смеха мы несколько минут не можем произнести ни слова. Вдруг раздается голос Макаровой:

— Она идет, mesdames! «Кочерга» идет!

— Фальшивая тревога. Ты врешь, Катя! — кричит Сима.

— Нет, правда! — испуганно произносит Макарова.

— Ах, пусть войдет. Я люблю ее. Да, я люблю ее сегодня! — кричу я громко. — Люблю ее сегодня, люблю газовщика Кузьму, повара, люблю весь мир, потому что сегодня первый день нашей свободы, потому что жизнь прекрасна, небо синее, солнце — золотое море, и душа моя полна чарующей песни без слов. Да, я люблю ее. Горю желанием поцеловать ее морщинистое лицо и...

Тут я с жестом владетельной принцессы обращаюсь к подругам:

— Не мешайте ей войти, друзья мои. Я жажду ее видеть и расцеловать ее милые щеки.

— Лидка! Угорелая! Ты с ума сошла!

Я не успеваю произнести ни слова, потому что в эту минуту Мара с благоговением вынимает шляпу из картонки и вскрикивает:

— Шляпа, месдамочки, шляпа!

— Бабы тряпки. Труха! — отчеканивает Сима.

Что-то белое, воздушное, из ажурной серебристой соломы в виде коронки, сшитой полукругом, над чем небрежно наброшены два черных крыла.

— Какая прелесть!

— Венец поэту! — восторженно лепечет Черкешенка.

Я краснею. Уж эта мне Черкешенка. Зачем она подчеркивает, что я пишу плохие стихи?

— Пожалуйста, не лести Вороненку. Гляди, у нее и без тебя клюв от сомнения вытянулся на четыре дюйма, — острит Сима.

— Черкешенка права, — говорит Креолка, — и этой серебристой царственной тиарой я предлагаю увенчать стриженую голову Вороненка, а за это потребовать у нее речь.

— Конечно! Конечно! — оглушают меня остальные.

Я смущаюсь и, чтобы как-нибудь выйти из глупого положения, ухарски, задом наперед напяливаю шляпу, причем черные крылья зловеще трясутся над моим лицом, подбочиваюсь, делаю разбойничье лицо и, вскакивая на табурет, начинаю:

— Друзья мои! Сегодня мы, как вольные птицы, разлетимся во все стороны России, а может быть, и по всему земному шару. И Бог весть, встретимся ли мы когда-нибудь вновь. Многие из нас добьются, может быть, высокого положения, славы. Многие, может быть, будут богаты...

— Додошка откроет собственную кондитерскую, это верно, как шоколад, — возвещает Сима.

Кто-то фыркает. Но тотчас же зарождающийся смех подавляется дружным шиканьем остальных.

— Дайте же докончить речь Вороненку!

— Друзья мои, — подхватываю я, — через какие-нибудь пять-шесть часов все мы, Вольки, Креолки, Малявки, Черкешенки, Мушки, Киськи, Брыськи, Лотосы, Додошки и прочие, перестанем быть тем, чем были до сих пор, и перед нами широко распахнутся огромные ворота жизни. Мы войдем через них, гордые, сильные, свежие и юные, в большой мир. Бог знает, что ждет нас за этим заповедным порогом. Может быть, те, кто заслуживает много, много счастья, радости и утех, получат одни лишь тернии себе в удел. Может быть, многие изнемогут в борьбе, почувствуют упадок энергии, силы. Тогда, друзья мои, вспомним это дивное синее утро, эти волны майского воздуха, это золотое солнечное море и праздник юных девушек, готовых вырваться на свободу, и подкрепим себя мыслью, что в разных уголках большого мира у каждой из нас есть еще тридцать девять сестер, которые готовы прийти на помощь по первому крику изнемогающей в борьбе с жизнью подруги. Не так ли, милые сестры? — заканчиваю я свою речь.

На минуту тишина водворяется в дортуаре. Все дышат взволнованно. С головы моей давно слетела так пленявшая всех тиара-шляпа и лежит теперь, забытая, на полу, в пыли. Никто и не замечает этого. Все углублены в собственные мысли.

Бог весть, что ждет нас за порогом нашей институтской клетки, где мы про-

вели, худо ли, хорошо ли, семь безмятежных детских лет без особых забот и печалей. Детство кончено, и мы вступаем в жизнь. Каков-то будет путь этих тридцати девяти юных девушек, которые мне дороги, как сестры? Не подстерегает ли нас всех чудовищный зверь — судьба? Мне делается жутко до боли. Расстаться с моими друзьями так скоро, сегодня, через несколько часов! Слезы обжигают мои глаза.

— Все это прекрасно. Но зачем же рюмить, однако? — слышу я у своего уха Симин голос. — Слезоточение здесь не при чем.

— Ах, правда, Сима, правда. Мы должны войти в мир борцами, а не жалкими слабыми тряпками. Ты права!

А кругом уже загорается жизнь.

— Лида, Вороненок правду говорит. Мир, борьба, горе, все может быть. Но мы сестры. Мы должны дать слово друг другу помнить и любить вечно. А в трудные минуты помочь, поддержать. Да!

Впечатлительные плачут, повторяя одно и то же: "Сестры... сестры". Другие кричат, не слушая друг друга:

— Мы будем переписываться. Дадим адреса.

— Мы...

— "Кочерга" за дверью! И на сей раз это уже бесспорно, — кричит Сима. — Увы нам! — доканчивает она, взмахивая руками.

Действительно, на пороге появляется маленькая, сторбленная фигурка инспектрисы, m-Пе Ефросьевой, нашего непримиримого врага.

— Опять ярмарка! — слышится ее скрипучий голос, и в презрительной гримасе морщится и без того морщинистое лицо. — Первые, опять! Просто наказание! Уймитесь, первые! И когда только вас выпустят наконец, мальчишки, разбойники, бунтари!

Додошка взвизгивает и валится на кровать, дрыгая ногами. Сима фыркает и делает «разбойничьи» глаза. Зина Бухарина, как бы нечаянно, набрасывает ночной чепец на свою великолепную прическу и завязывает его тесемочки под подбородком.

— Что вы, голландка, что ли? — шипит, заметив ее маневр, "кочерга".

— Нет, я из Иерусалима, — делая невинное лицо, отвечает Креолка, отец которой действительно служил недавно консулом в Палестине.

— Тогда зачем этот голландский убор?

И крючковые пальцы, протянувшись к курчавой головке, бесцеремонно стаскивают с нее злополучный чепец,

— Что? Бараном? Опять завивка? Под кран и тотчас же размочить эту гадость! — скрипит неумолимый голос нашей мучительницы.

— Но ведь сегодня, слава Богу, выпуск! — возмущается Додошка.

— Даурская, — встать! — приказывает инспектриса.

— Какая душка! Сморчок! И ты хотела ее поцеловать! — шепчет Сима, трясая от смеха.

— И поцелую! — упрямо решаю я.

Что-то веселое врывается мне в душу.

— И поцелую, — повторяю я.

Шаловливая мысль толкает меня вперед. Что будет потом, я соображаю плохо. Когда один из моих проказников-бесенят захватывает меня, противиться

ему я уже не в силах.

— Лида, душка. Перестань, не надо, — испуганно шепчет Черкешенка.

Но никакие силы уже не могут меня удержать. В следующую же минуту я стою перед инспектрисой.

— М-ше Ефросьева, М-ше Ефросьева, позвольте мне на прощанье вас поцеловать!

— Что?! Что вы сказали?!

"Кочерга" сначала бледнеет. Даже кончик ее крючковатого носа делается мертвенно белым. Потом краснеет густым старческим румянцем все ее морщинистое лицо. Зло смотрят на меня ее маленькие щелочки-глазки. Рука тербит по привычке длинную цепь от часов.

— Опять эти первые. Вечные глупости. Эти первые портят весь корректный строй института.

Она поворачивает к нам спину и, припадая на правую ногу всей своей кривобокой фигурой, демонстративно хлопнув дверь, исчезает за порогом дортуара.

— Сорвалось! — кричу я и с хохотом падаю возле визжащей от восторга Додошки.

* * *

Мы в церкви. Как торжественно и нарядно выглядит сегодня наш институтский храм! Накануне мы убрали гирляндами из живых цветов все образа иконостаса. Бесчисленные свечи и лампы теряются при ярком свете майского утра.

На парадном месте, посреди пушистого ковра, стоит начальница. За нею теснятся синие вицмундиры учителей. Все здесь: вон красивый, с лицом русского боярина, словесник Чудицкий, так прекрасно читающий вслух лермонтовские поэмы; вон умный и строгий историк Стурло; дальше желчный физик, непрерывно сыплющий единицами; за ним застенчивый математик Зинзерин, "Аполлон Бельведерский", объект обожания стольких институтских сердец, добрый старик француз, — все они почтили своим присутствием наше торжество. По правую руку начальницы — почетные опекуны в их залитых золотом мундирах, по левую — инспектор, инспектриса, все ближайшее институтское начальство и толпа приглашенных почетных гостей.

Наша татап притягивает к себе все взоры. Баронесса-начальница ходит последнее время, тяжело опираясь на палку. Но от этого не менее величественна ее фигура, а в бело-розовом лице, обрамленном серебряными сединами, что-то властное и непоколебимое; зорко смотрят еще молодые глаза и как будто видят нас насквозь.

— Екатерина Великая! Удивительное сходство — слышится восторженный шепот.

Там, в этой толпе, находятся и «они». Я незаметно поворачиваю голову и вижу их: моего папу-Солнышко в парадном мундире, маму-Нэлли в нарядном шелковом платье и маленькое существо в белом матросском костюме — одного из моих братишек.

Как хорошо, что они приехала все трое! Как хорошо!

Певчие сегодня поют изумительно. Проникновенно и как-то особенно звучит голос отца Василия под сводами церкви.

Сорок белых девушек стоят посреди церкви. Сердца горят и бьются. Еще час-

